

DOI: 10.31857/S0869049923010069
EDN: NRJICE

Оригинальная статья / Original article

Линия ФРГ в военной области: дрейф от концепции «стратегической сдержанности»?

© Ф.О. ТРУНОВ

Трунов Филипп Олегович, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия), ltrunov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7092-4864

Как основной агрессор во Второй мировой войне Германия обязана бессечно соблюдать комплекс строгих ограничений при развитии и использовании своего военного потенциала. Рассмотрена эволюция соблюдения страной этого принципа вплоть до начала 2020-х гг. Внимание уделено кейсам пересмотра Германией условий, которые ограничивали нарастание военного строительства страны ради державных амбиций. ФРГ декларировала, что «российская (советская) угроза» стала основным поводом для ремилитаризации. Однако в реальности Германия уходила от учета своей особой ответственности перед СССР и РФ. В данном контексте показаны рамочные условия функционирования «военной машины» ФРГ, заданные канцлером К. Аденауэром. Прослежена направленность ремилитаризации ФРГ в период с конца 2010-х гг. Изучены особенности использования бундесвера внутри и вне зоны ответственности НАТО как шаги по отходу от «стратегической сдержанности».

Ключевые слова: Германия, историческая ответственность, ремилитаризация, бундесвер, НАТО, холодная война, ОМУ

Цитирование: Трунов Ф.О. (2023) Линия ФРГ в военной области: дрейф от концепции «стратегической сдержанности»? // Общественные науки и современность. № 1. С. 83–100. DOI: 10.31857/S0869049923010069, EDN: NRJICE.

The Policy of Germany in Military Sphere: Drift from the Concept of “Strategic Restraint”?

© PH. TRUNOV

Philipp O. Trunov, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Itrunov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7092-4864

Abstract. As the key aggressor in World War II, Germany has to indefinitely comply with a set of stern restrictions considering the development and use of the national military potential. FRG’s attitude towards the principle until the early 2020s is studied. Key attention is paid to the cases where Germany abandoned the restrictions which had been limiting the realization of its ambitions as a world power. “Russian (Soviet) threat” has become the main pretext (but not the reason) for FRG’s remilitarization. However, in such cases Germany has ignored its own historic responsibility to the USSR and the Russian Federation. The framework conditions of the Bundeswehr development, outlined by Konrad Adenauer, are considered. The direction of the remilitarization (since the end of 2010s), as well as the features of Bundeswehr usage inside and outside the NATO zone of responsibility, are studied. It is concluded that the majority of these measures show the drift away from the “strategic restraint” concept.

Keywords: Germany, historic responsibility, remilitarization, the Bundeswehr, NATO, Cold War, WMD

Citation: Trunov Ph. (2023) The Policy of Germany in Military Sphere: Drift from the Concept of “Strategic Restraint”? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 83–100. DOI: 10.31857/S0869049923010069, EDN: NRJICE.

Германия была ключевым агрессором в самом разрушительном конфликте в истории человечества – Второй мировой войне. Он завершился безоговорочной капитуляцией Третьей рейха. Груз исторической ответственности обязывал возрожденные германские государства – ГДР и ФРГ, которая претендовала на роль «собирателя земель» – принять обязательства в двух направлениях. Одно из них – глубокая внутренняя модернизация, направленная на денацификацию. Она включала создание политико-правовых механизмов, которые должны предупреждать усиление крайне правых настроений и утверждение их апологетов у власти. Второе обязательство – строго соблюдать набор ограничений, которые касались развития и использования национальной «военной машины». Речь прежде всего шла о следующих мерах:

1) «потолок» численности военнослужащих, отказ от производства, владения и распоряжения оружием массового уничтожения и поражения (ОМУ, ОМП), что ограничивает саму возможность воссоздания полноценных вооруженных сил (ВС);

2) недопустимость применения ВС в боевых (силовых) операциях, особенно в агрессивных, т. е. сугубо наступательных, в нарушение суверенитета и территориальной целостности других государств;

3) отказ от использования вооружений и военной техники (ВиВТ) национального производства в действиях наступательного характера.

Особо остро стоял вопрос о допустимости использования ВС Германии и ВиВТ ее производства, чтобы противодействовать государствам, которым Третий рейх нанес наибольший урон – прежде всего, СССР и РФ как его правопреемнице. Совокупность приведенных правил и их практического проявления в политике государства уместно обозначить термином «стратегическая сдержанность».

Западная, а затем и объединенная Германия последовательно стремились увеличивать свой вес на международной арене [Hacke 1993; Берман 2017]. ФРГ адаптировалась к ограничениям в военно-стратегической сфере, либо искала повод их пересмотреть в ситуации, когда такие требования она воспринимала как непреодолимую помеху для своих национальных амбиций. Отказ от выполнения конкретного обязательства в ФРГ подавали как результат согласия с партнерами из числа «либеральных демократий» – прежде всего из круга западных держав-победительниц (США, Великобритания, Франция), которые стали союзниками Западной Германии по НАТО.

Задача статьи – исследовать степень практической приверженности ФРГ принципу «стратегической сдержанности» в развитии и использовании бундесвера по состоянию на начало 2020-х гг. Эволюции «военной машины» ФРГ посвящен большой корпус работ зарубежных (прежде всего немецких и англо-саксонских) и отечественных исследователей [Сундеев 2015; Rink 2015; Warwick 2007; Vogel 2020]. Однако во многих публикациях, особенно зарубежных, взаимосвязь между изменением военной мощи Германии и учетом принципа исторической ответственности (особенно перед СССР и РФ) прослеживается лишь лапидарно или не учитывается вовсе [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath 2018; Major, Swistek 2022]. Обращение к «связке» данных вопросов особенно актуально в условиях старта долгосрочного восстановительного роста бундесвера (с конца 2010-х гг.). Данный процесс тесно связан с активизацией участия ФРГ в «сдерживании» РФ, а также КНР. Германия также стремится найти более эффективные способы обеспечить свое военное присутствие в зонах нестабильности в северной части Африки и на Ближнем Востоке. Статья опирается на положения теории строительства вооруженных сил и методы сравнительного и ивент-анализа.

История вопроса: рамочные условия, заданные К. Аденауэром

Первые принципиальные шаги по восстановлению бундесвера предпринял К. Аденауэр – канцлер-основатель ФРГ. В условиях разъединения Германии он стремился создать ресурсную базу и условия для державных амбиций ФРГ в будущем. Протекал данный процесс при органичном участии партнеров по НАТО, которые также выполняли функцию встроеного контроля. Вопреки традициям германо-прусского государства, ФРГ «растворяла» национальные усилия в рамках многосторонних, что особенно отчетливо проявлялось в военной сфере.

К. Аденауэр де-факто содействовал сохранению и развитию конфронтации Запад-Восток, используя заинтересованность «либеральных демократий» в усилении мощи Евро-Атлантического сообщества, чтобы поставить вопрос о ремилитаризации ФРГ [Bindenagel 2020]. Избранная тактика позволила ему добиться принципиального согласия «западных держав» на воссоздание регулярных западногерманских войск. Германии были поставлены условия: во-первых, войска должны были полностью подчиняться профильным евро-атлантическим структурам¹. В начале 1950-х гг. таковой считалась будущая «европейская армия» («план Плевена»), однако здесь препоны для ФРГ создала Франция. Заручившись поддержкой США, К. Аденауэр избрал другой путь – по линии НАТО².

Во-вторых, для вновь создаваемого бундесвера ввели «потолок» численности регулярных войск, но очень высокий – 500 тыс. военнослужащих³, т. е. эквивалент 1-2 групп армий

¹ Архив посла А.И. Степанова // Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 26-о.

² Там же.

³ Die Bundeswehr im Kalten Krieg. BMVg. 2022. (<https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg>).

времен Второй мировой войны. В то же время этот показатель не включал в себя силы территориальной обороны, а в случае наличия угрозы войны ФРГ могла резко увеличить численность личного состава сверх установленного предела [Rink 2015]. Однако условие не предполагало ограничений в выборе форм комплектования ВС: бундесвер состоял не только из профессионалов-контрактников (как в случае войск Веймарской республики по Версальскому миру 1919 г.), но и срочников. По окончании службы они составили многочисленный (сотни тысяч военнослужащих) корпус резервистов.

В-третьих, Боннская республика отказывалась от доступа к ядерному оружию. На этом ограничении (де-юре бессрочном) настаивала Франция и в целом «западные державы»⁴. Вместе с тем, США могли использовать территорию ФРГ для размещения единиц ОМУ и их носителей. В-четвертых, К. Аденауэр согласился на правило о том, что войсковые подразделения, части и соединения бундесвера можно задействовать строго в пределах национальных границ⁵. Самоограничение было актуально лишь для реалий мирного времени. Следует подчеркнуть, что, в отличие от предыдущих трех пунктов, данный момент не был полноценно отражен в соответствующих международно-правовых документах, но его включили в национальное законодательство – Основной закон, что оставляло заметный простор для маневрирования.

При К. Аденауэре была начата масштабная ремилитаризация Западной Германии вопреки закономерной обеспокоенности СССР, который обвиняли в агрессивных устремлениях.

Особенности «стратегической сдержанности» в 1990-е – 2010-е гг.

Рамочные условия развития и использования «военной машины», заданные К. Аденауэром, определили направление ее функционирования на длительную перспективу. Де-юре самоограничения ФРГ впервые закрепила в Парижских протоколах от 23 октября 1954 г. с группой западных держав-победительниц – вопреки СССР⁶. Новое оформление обязательств потребовалось для объединявшейся Германии, т. е. «большой» ФРГ – в данном случае участвовал и Советский Союз. 12 сентября 1990 г. был подписан договор об окончательном урегулировании в отношении Германии («2+4»). Он подтверждал ее право иметь национальные ВС и устанавливал новый «потолок» численности личного состава к 1994 г. – 370 тысяч, в т. ч. не более 345 тысяч суммарно для сухопутных войск и ВВС⁷. Фиксировался отказ Германии от производства, владения и распоряжения ОМУ и ОМП основных видов (нем. ABC-Waffen – атомное, биологическое и химическое). Особо подчеркивалась формула: «с немецкой земли будет исходить только мир»⁸. Подготовка к ведению наступательной войны была признана антиконституционной и наказуемой. ФРГ принимала данные обязательства в качестве добровольных ограничений на бессрочной основе⁹.

⁴ Die Bundeswehr im Kalten Krieg. BMVg. 2022. (<https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg>).

⁵ The Bundeswehr on Operations (2009). Berlin: Federal Ministry of Defense. Pp. 14–21.

⁶ Die Bundeswehr im Kalten Krieg. BMVg. 2022. (<https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg>).

⁷ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. (1994) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. М.: Международные отношения. С. 34–37.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Договор «2+4» в полной мере имплементировали к осени 1994 г.: бундесвер сокращали (одновременно переводя в его состав военнослужащих ННА ГДР) в прямо порциональной зависимости от скорости вывода советских (с 1992 г. российских) войск с территории «новых земель» ФРГ. Именно завершение данного процесса истеблишмент в Бонне рассматривал как фактическое окончание конфронтации Запад-Восток. Позицию Германии подтвердило принятие консенсусом всех трех ветвей власти процедуры использования бундесвера вне национальных границ (12–22 июля 1994 г.)¹⁰, что автоматически аннулировало соответствующий запрет в Основном законе ФРГ. Уже с начала 1990-х гг. бундесвер начали использовать вне зоны ответственности НАТО (прежде всего, на Африканском роге)¹¹. В середине – второй половине 1990-х гг. ВС ФРГ активно применялись на балканском направлении. Дважды имело место силовое использование ВВС: в 1995 г. (операция НАТО Deliberate Force) и в 1999 г. (Allied Force). Данные действия обозначались мерами по защите бошняко-хорватской федерации (от Республики Сербской) и албанцев в Косове (от «малой» Югославии). На деле их можно интерпретировать как нарушение Германией принципа «только мира», который должен исходить с ее земли. Оба данных кейса (особенно второй) нужны были, чтобы утвердить ФРГ в роли региональной державы [*Bindenagel* 2020, 26–27, 156–158] и начать движение к положению полновесного глобального игрока. Однако эти сюжеты все же остаются исключениями из общего правила. Иллюстрацией тому служила неготовность Берлина в войсковом отношении поддержать западных партнеров в ходе иракского (2003), ливийского (2011) и сирийского (2013) военно-политических кризисов, первые два из которых переросли в силовые операции. С начала XXI в. применение бундесвера было перефокусировано на зоны нестабильности на Среднем и Ближнем Востоке, Африканском роге и в Западной Африке. Здесь германские военные в основном решали задачи по миротворчеству и поддержанию мира, а также участвовали в реформе сектора безопасности стран происхождения конфликта.

Однако с середины 2010-х гг. возник и развивался кризис стратегического присутствия ФРГ в данных зонах нестабильности: сначала в Афганистане [*Glatz, Kaim* 2020, 2–4], затем в Сомали и на сирийско-иракском направлении, и, наконец, в Мали и в целом странах G5 Sahel. Данные трансформации были обусловлены, с одной стороны, ошибками игроков Евро-Атлантического сообщества, в т. ч. самой Германии: попытки наложить ценности либеральной демократии на политическую почву стран Азии и Африки в основном не давали требуемого результата. Одновременно имели место и «узкие места» военного характера: так, стремление властей ФРГ минимизировать летальные потери (в случае наличия таковых возникал высокий риск отзыва мандата Бундестага) часто заметно снижало эффективность усилий бундесвера – особенно при выявлении боевиков незаконных вооруженных формирований (НВФ) и их запасов, а также последующей нейтрализации [*Tull* 2019, 2–4]. Набор ошибок бил по имиджу Германии как миротворца, заставляя ее идти на экстренную эвакуацию своих войск (свертывание миссии НАТО Resolute Support в Афганистане в апреле-июне 2021 г.), отказываться от даже ограниченного использования бундесвера (II западная антитеррористическая коалиция в Сирии, с 2022 г.)¹² или с трудом отстаивать сохранение контингента в условиях недо-

¹⁰ The Bundeswehr on Operations (2009). Berlin: Federal Ministry of Defense. Pp. 38–39.

¹¹ Ibid. Pp. 51–72.

¹² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte – Stabilisierung sichern, Wiedererstarben des IS verhindern, Versöhnung in Irak fördern (2022). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/408, 12.01.2022. S. 4–9.

вольства присутствием бундесвера в стране пребывания (миссия MINUSMA в Мали, заметные трудности с 2021 г.)¹³.

С другой стороны, сужение присутствия Германии за пределами Евро-Атлантического сообщества во многом объяснялось необходимостью предоставлять возрастающие по численности контингенты войск, чтобы комплектовать группировки Альянса внутри зоны его ответственности с 2014 г. Причина – конфронтация между коллективным Западом и РФ, которая приобрела черты новой холодной войны. Так, если в начале 2010-х гг. объем присутствия бундесвера вне зоны ответственности НАТО составлял в среднем 7 тыс. военнослужащих, то уже к 2015 г. он упал до 3,5 тыс. [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath 2018, 8–11], а в начале 2020-х гг. – до 2 тыс. солдат и офицеров (уже после отмены ограничений, связанных с пандемией)¹⁴. Сказалась физическая нехватка войсковых единиц в результате длительных и масштабных сокращений бундесвера 1990-х – первой половины 2010-х гг. В результате численность личного состава «военной машины» ФРГ опустилась до отметки менее 180 тыс. человек (на 2014 г.)¹⁵, что более чем в два раза ниже «потолка» по договору «2+4» (370 тыс.). Притом в ФРГ с 2011 г. отменили призыв, т. е. германские вооруженные силы стали полностью профессиональными, в этом отношении отойдя от установок К. Аденауэра. Спектр причин, которые определили сокращения, не ограничивался приверженностью «стратегической сдержанности». Развитие бундесвера логично вписывалось в общемировые тренды: оно было нацелено на расширение стратегического присутствия на мировой арене, одновременно удовлетворяя запрос ответственности внутри ФРГ на сокращения ВС и расходов на них [Синдеев 2015]. Фокус в развитии военной мощи перенесли с сил общего назначения (СОН, «тяжелые» войска), которые в первую очередь предназначены для «сдерживания» оппонента в Европе, на силы кризисного реагирования (СКР, «легкие»). Последние применяют в отдалении от зоны ответственности НАТО. Однако постепенно сокращения приобрели характер «редукций ради редукций», ослабляя до критических отметок ту военно-ресурсную базу, которая требовалась ФРГ для воплощения державных амбиций. К середине 2010-х гг. не удалось достигнуть планируемого объема сил кризисного реагирования, а сокращение сил общего назначения продвинулось далеко за пределы, рациональные с точки зрения германских интересов.

В сложившейся ситуации конфронтация Запада с РФ (с 2014 г.) стала удобным поводом для восстановления военной мощи ФРГ, равно как и других государств-членов НАТО. Тем не менее, ее сопровождали еще два значимых безальтернативных «побочных» следствия. Во-первых, требовалось вновь сменить фокус внимания в развитии «военной машины», отдав приоритет в пользу СОН в ущерб развитию и использованию СКР. Иными словами, абсолютное большинство имевшихся и вновь создаваемых войсковых единиц бундесвера как минимум на перспективу 10–15 лет априори предполагалось использовать внутри зоны ответственности НАТО, а не в отдалении от нее. Во-вторых, отстаивая перед парламентом и общественностью новые шаги по усилению военной мощи, власти демонизировали «российскую угрозу». Таким образом, ФРГ вновь наращивала ВС, связывая

¹³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2022). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761, 11.05. S. 5–10.

¹⁴ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr. Statista.de. 2022. (<https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/#professional>).

¹⁵ Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). CommuniquéPR/CP(2022)105 (2022). Brussels: NATO. P. 12.

этот процесс с росшим по объему участием в конфронтации с влиятельной незападной державой, что неизбежно означало отход от «стратегической сдержанности».

Вероятность превышения «потолка» численности ВС

Восстановительный рост численности личного состава бундесвера стартовал с 2017–2018 гг. и изначально шел медленно (таб. 1).

Таблица 1

Изменение параметров военной мощи ФРГ к началу 2020-х гг.¹⁶

Table 1

Changes of the Germany's military power parameters in the early 2020s

Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Численность ВС (тыс. военных)	178,8	177,2	177,9	179,8	181,5	183,8	183,9	184,8
Военные расходы (млн долл. в ценах 2015 г.)	39 274	39 833	41 173	43 438	44 567	48 653	52 440	52 516

В начале 2020-х гг. темпы наращивания численности ВС ставили под сомнение планы в этом направлении. После окончания холодной войны именно наземные войска стали основным объектом для сокращений. В условиях новой конфронтации на них закономерно пришлось основное усиление. В армии количество дивизий планировалось увеличить с 3 до 6, бригад – с 7,5 до 15,5–17,5 единиц, т. е. в среднем не меньше чем в два раза¹⁷. Преобладали планы по наращиванию именно СОН, которые имели всего 2 дивизии в составе 6,5 бригад. К середине 2030-х гг. их должны дополнить еще 3 дивизиями и 7–9 бригадами, т. е. почти всеми вновь создаваемыми (кроме 1 бригады) соединениями¹⁸.

Обеспечение восстановительного роста ВС требует от Берлина многоаспектных решений. В первую очередь речь идет о мотивационных шагах – финансовых и политико-психологических. Под первыми понимается рост жалования военнослужащим в контексте общего увеличения расходов на военные нужды (таб. 1), частичного использования специального фонда дополнительных ассигнований на бундесвер (в 100 млрд евро)¹⁹. О его создании канцлер О. Шольц заявил 27 февраля 2022 г., почти сразу после начала специальной военной операции (СВО) РФ. Данное событие стало в первую очередь поводом, а не причиной для решений Берлина. Фактор СВО будут использовать для политико-психологической мотивации потенциальных новобранцев. Однако такая стратегия может обострить и проблему заметного усиления крайне правых в составе ВС и силовых структурах в целом [Белинский 2021, 251–252]. Так, неонацистский заговор стал причиной прецедентного для ФРГ расформирования войскового подразделения по

¹⁶ Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). CommuniquéPR/CP(2022)105 (2022). Brussels: NATO. Pp. 7, 12.

¹⁷ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei volle Divisionen bekommen. Bundeswehr Verband. 19.04.2017. (<https://www.dbww.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/>).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27. Februar 2022. Bundesregierung. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356>).

политическим мотивам. Отметим, что распущено было элитное подразделение – рота сил специальных операций (ССО)²⁰.

Не исключено, что для наращивания военной мощи ФРГ потребуются в том или ином виде восстановить призыв (пересмотреть его «обнуление» Министерством обороны без внесения иных юридических корректировок на уровне Бундестага). Обязательная военная служба могла бы высвободить дополнительный личный состав из числа контрактников-профессионалов для комплектования многонациональных группировок НАТО и ЕС вне районов постоянной дислокации.

В то же время ФРГ вряд ли станет создавать формирования «иностранный легиона» в составе вооруженных сил: это противоречит национальной традиции, которая сложилась после разгрома преимущественно наемной армии Прусского королевства Наполеоном (1806 г.). В войсках СС Третьего рейха иностранцы присутствовали в значительных количествах вплоть до того, что их сводили в отдельные войсковые единицы. Однако данные войска были параллельной вермахту «военной машиной», в связи с чем это исключение можно считать скорее условным. С конца 2010-х гг. в Германии стали расширять возможности для службы в бундесвере для граждан из союзных (по НАТО и ЕС) стран, однако едва ли их будут объединять в отдельные формирования уровня бригады – и тем более выше.

Представленные в открытом доступе материалы содержали плановые показатели численности личного состава ВС по состоянию на середину 2020-х гг., т. е. в них не представлен «дальний горизонт». Одна из трех дивизий сухопутных войск, которые намерены развернуть германские власти, с высокой долей вероятности будет составлена в основном из призываемых на короткие сроки резервистов²¹. Данные факторы говорят о неуверенности руководства ФРГ в том, что планы по наращиванию «военной машины» будут выполнены полностью. С высокой долей вероятности, численность ее личного состава даже к середине 2030-х гг. будет существенно ниже обоих «потолков», установленных договором «2+4». Предположительно, она составит 130–180 тыс.²² суммарно для армии и ВВС (при «потолке» в 345 тыс.), 250–270 тыс. для вооруженных сил в целом²³ (верхний предел – 370 тыс.). Таким образом, формально бундесвер далек от достижения и превышения закрепленных в договоре «2+4» предельных количественных показателей.

Однако, если сравнивать с периодом холодной войны, численность вооруженных сил ведущих государств мира не только резко сократилась, но и вряд ли уже приблизится к показателям 1950–1980-х гг. в условиях новой конфронтаций Запада и не-Запада²⁴. Так, в 2014–2022 гг. личный состав большинства ведущих стран-участниц НАТО возрос незначительно (1–3% за весь период или даже сократился)²⁵. Типовые вооруженные силы 2020-х гг. отличаются от формирований предыдущих десятилетий большей технологич-

²⁰ KSK-Reform: Vertrauen wiederherstellen. BMVg. 10.05.2021. (<https://www.bmvg.de/de/aktuelles/ksk-reform>).

²¹ Modernisierungskatalog der Bundeswehr bis 2031: Geld ist knapp – Personal noch vielmehr. Augen geradeaus! 20.12.2019. (<https://augengeradeaus.net/2019/12/modernisierungskatalog-der-bundeswehr-bis-2031-geld-ist-knapp-personal-noch-viel-mehr/>).

²² Значительную часть тыловых компонент передали в силы поддержки (как отдельный род войск). Притом в сентябре 2020 г. было создано командование воздушных и космических операций [*Vögel* 2020].

²³ Рассчитано автором на основе указанных источников, сайта Министерства обороны ФРГ.

²⁴ Под понятием «не-Запад» имеется в виду совокупность игроков, которые не относят себя к «коллективному» Западу и дистанцируются от него как минимум политически и ценностно-информационно (идеологически). Так, данный термин активно используют школы исследователей-международников в РУДН и МГИМО [*Алексеева* 2017].

²⁵ Рассчитано автором на основе: Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). *Communique PR/CP(2022)105* (2022). Brussels: NATO. P. 12.

ностью (массовое использование автоматизированной техники, готовность действовать в качественно новых средах – прежде всего в кибер- и информационном пространстве). Однако также их отличает существенно меньшее количество «активных штыков» и войсковых единиц. Соответственно, каждая имеющаяся – и тем более вновь развертываемая – единица (батальон, полк, дивизия или корпус) имеет намного больший военный и политический вес, чем в предшествующие эпохи. Так, батальонные боевые группы НАТО в Восточной Европе, по сути, выполняли нагрузку уровня бригад, а по мере их преобразования в бригады – уже дивизий. По сравнению с эпохой биполярности резко возросла значимость не только каждой новой войсковой единицы, но и каждой дополнительной сотни млн единиц национальной валюты, которые выделяют на военные нужды.

Соответственно, безусловный курс ФРГ на плавный, но последовательный долгосрочный рост как численности личного состава, так и объема военных расходов можно признать ремилитаризацией. В данном случае контраргументом нельзя считать сопоставление количества соединений в перспективном бундесвере и в нем же во времена холодной войны. Как уже отмечалось ранее, существуют резкие различия между «военными машинами» государств мира во второй половине 1940–1980-х гг. и 2020–2030-х гг.

Уже начатая и планируемая ремилитаризация ФРГ в полной мере выступает элементом дрейфа от «стратегической сдержанности». Подтверждение тому – ключевая цель, поставленная в рамках НАТО. Она должна быть достигнута в результате создания новых войсковых единиц, а также придания им и уже имеющимся более межвидового характера: Германия принимает функции «рамочного государства» в возможно большом количестве кейсов [Glatz, Zapfe 2017, 2–4]. 7 июня 2022 г. канцлер О. Шольц заявил, что будущие ВС ФРГ станут наиболее многочисленными конвенциональными войсками среди европейских стран-участниц НАТО²⁶. Соответственно, Германия вернет третью позицию в списке крупнейших ВС государств-членов Альянса (после США и Турции), которая была утрачена в 1990-е – середине 2010-х гг. [Varwick 2007].

Параллельно официальный Берлин стремился упрочить опосредованный доступ к ОМУ США – запасу атомных бомб В-61 в Бюхеле. Данные действия нарушают букву и дух самоограничений ФРГ по договору «2+4» (как минимум по вопросам распоряжения и владения ОМУ). Опираясь на принципиальные договоренности с США (они де-факто соблюдались даже в период президентства Д. Трампа), германский истеблишмент вновь использовал тезис о «российской угрозе» в увязке с секретностью ряда ключевых мер, чтобы замаскировать свои действия. Так, в октябре 2020 г. в ФРГ провели учения 33-й авиаэскадры люфтваффе по принятию на борт и учебной отработке бомбометания боезарядов В-61, что стороны не афишировали. Используя фактор СВО РФ как повод, в марте 2022 г. правительство ФРГ приняло решение заменить парк самолетов 33-й эскадры на F-35 производства США²⁷. Проблема доступа к американскому ОМУ актуализировалась для ФРГ после того, как увеличилось количество избранных партнеров, которым Белый дом готов предоставить такую возможность. В результате создания AUKUS она вполне может появиться у Австралии [Васильев 2022, 241–244].

²⁶ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš am 7. Juni 2022 in Wilna. Bundeskanzleramt. 7.06.2022. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausėda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428>).

²⁷ Bloomberg узнал о планах ФРГ закупить 35 истребителей F-35. Известия. 5.12.2022. (<https://iz.ru/1435694/2022-12-05/bloomberg-uznal-o-planakh-frg-zakupit-35-istrebitelei-f-35>).

Принцип «стратегической сдержанности» при использовании бундесвера

Основным практическим идентификатором степени интегрированности ВС ФРГ в НАТО стал резкий рост участия в комплектовании группировок Альянса. Двумя ключевыми элементами их системы выступали силы быстрого реагирования (СБР, NATO Response Force, NRF) и силы передового развертывания (СПР, NATO Forward Presence Force, FPF). СПР представлял I-ый стратегический эшелон войск НАТО, который развернут непосредственно у границ зоны ответственности Альянса, обращенных к РФ, – в основном на территории восточноевропейских стран-участниц. II-ой эшелон, который представлял собой СБР, в основном располагался в «глубине», на территории «старых» государств-членов. При наращивании потенциала FPF и NRF Германия заметно большее внимание уделяла вторым (особенно до начала 2020-х гг.). В первую очередь причиной тому был географический фактор (расположение самой ФРГ), однако в определенной мере в этом проявлялась и «стратегическая сдержанность». В рассматриваемом ракурсе она была наиболее заметна в первые годы новой холодной войны, когда институционализация данного принципа лишь стартовала. В тот период существовал риск неконтролируемой эскалации.

Именно во время выполнения ФРГ функций «рамочного государства» при комплектовании СБР (с сентября 2014 г. на год) было решено резко увеличить их штатную численность (с 13 до 40 тыс.), а также создать в их составе соединение повышенной боевой готовности – «острие копья» (Very High Readiness Joint Task Force, VJTF)²⁸. В дальнейшем ФРГ чаще, чем было положено в рамках вновь установленной в НАТО 7-летней очередности, принимала роль «рамочной нации» при комплектовании VJTF – не только в 2019 г. (на 12 месяцев), но и в ходе крупнейших учений Trident Juncture 18²⁹.

При принятии (2016 г.) и выполнении (с января 2017 г.) решений о развертывании боевых групп СПР НАТО в странах Балтии и Польше ФРГ стала «рамочной нацией» для войсковой части в Литве. Показательно, что в первый список «рамочных государств» для FPF, помимо Германии, вошли исключительно англо-саксонские державы³⁰. Направляющая роль, которую ФРГ приняла на себя при развертывании наземных войсковых СПР, стала первым симптомом отхода от «стратегической сдержанности» на данном направлении.

С середины 2010-х гг. Германия активно участвовала в развертывании системы штабов многосторонних корпусов и дивизий FPF. Первое время они оставались в основном «бумажными» соединениями, имея в подчинении вместо положенных 3-х бригад по 2–3 батальона³¹. Поводом для их «наполнения» войсковым содержанием стала СВО РФ на Украине с 24 февраля 2022 г. Уже через месяц ФРГ направила контингент в состав второй для себя многосторонней боевой группы СПР НАТО в Восточной Европе (в Словакии). В этом случае «рамочной нацией» выступила Чехия, однако именно ФРГ внесла наиболее крупный по численности войсковой вклад. Параллельно Берлин активизировал участие в комплектовании военно-морских групп Альянса в акваториях к северу и югу от Восточной Европы, а также в развертывании военно-воздушной миссии НАТО по патрулированию воздушного пространства всего региона (в пределах зоны ответственности НАТО).

²⁸ NATO Response Force. NATO. 11 Jul. 2022. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm).

²⁹ Germany steps up to lead NATO high readiness force. NATO. 01 Jan. 2019. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en).

³⁰ NATO's military presence in the east of the Alliance. NATO. 21 Dec. 2022. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm).

³¹ Ibid.

7 июня 2022 г., почти в 100-й день проведения СВО, канцлер О. Шольц по итогам встречи с лидерами стран Балтии заявил, что батальонная боевая группа в Литве с ведущим участием бундесвера будет трансформирована в бригадную³². Данное решение уже де-юре нарушает положения Основополагающего акта Россия-НАТО (1997). Следует подчеркнуть, что этот шаг стал прецедентом на уровне Альянса, то есть ранее США или другие игроки не предлагали таких инициатив. Более того, на Мадридском саммите НАТО (2022) закрепили необязательный характер перехода для боевых групп FPF в целом³³. Решение от 7 июня 2022 г. было подано в контексте планов по превращению бундесвера в крупнейшие среди европейских стран-участниц Альянса конвенциональные вооруженные силы. 30 июня по итогам саммита НАТО О. Шольц заявил о том, что полную, трехбригадную «тяжелую» дивизию (15 тыс. военнослужащих; на тот момент в бундесвере насчитывалось всего два таких соединения), 60 боевых самолетов и 15 кораблей зарезервируют для ротационного комплектования группировок НАТО в Восточной Европе³⁴.

Соответственно, в 2022 г. активность ФРГ в развертывании FPF и NRF стала вполне соизмеримой. Неудивительно, что Берлин на Мадридском саммите НАТО поддержал резкий рост объема сил стран-участниц, резервируемых для комплектования различных группировок: 800 тыс. военнослужащих, в т. ч. 100 тыс. способных перейти в состояние полной боевой готовности в срок до 10 дней, еще 200 тыс. – до месяца, остальные 500 тыс. – до полугода³⁵. Постепенно их будут объединять в единую отлаженную систему.

При проведении наиболее значимых учений НАТО Германия проявляла приверженность «стратегической сдержанности», однако в начале 2020-х гг. позиция стала скорее ситуационной. Чем обусловлены данные особенности? ФРГ стремилась минимизировать использование войск, особенно боевых (а не вспомогательных) частей и подразделений, в тех учениях Альянса, которые имели провокационную направленность в отношении РФ. Здесь, однако, Берлин не столько учитывал историческую ответственность, сколько не желал допустить неконтролируемую эскалацию напряженности, т. е. подойти к состоянию прямого военного конфликта. Так, бундесвер крайне ограниченно участвовал в интенсифицированном комплексе учений НАТО в странах Балтии и Республике Польша (РП) в 2014–2015 гг. В ходе маневров Anakonda 16 (июнь 2016 г., РП, частично восточные районы ФРГ) удельный вклад бундесвера составлял чуть более 1% и был ограничен саперным батальоном³⁶. Таким образом Германия подавала «сигнал» о предпочтительности плавного наращивания СПР НАТО в середине 2010-х гг., а также о недопустимости перехода от ротационного к постоянному характеру их комплектования. В отличие от других «западных держав», ФРГ уклонилась от участия в национальных маневрах шведских

³² Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš. Bundeskanzleramt. 7.06.2022. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausėda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428>).

³³ NATO's military presence in the east of the Alliance. NATO. 21 Dec. 2022. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm).

³⁴ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid. Bundeskanzleramt. 30.06.2022. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018>).

³⁵ New NATO Force Model. NATO. 2022. (https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf).

³⁶ Рассчитано на основе: NATO countries begin largest war game in eastern Europe since the Cold War. The Guardian. 6 Jun 2016. (<https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016>).

войск Auroga 17 (сентябрь 2017 г.). Так Берлин выразил свое отношение к перспективе ускоренного вступления Швеции в НАТО.

Качественно иным был вклад ФРГ в учения Trident Juncture 18 (октябрь – ноябрь 2018 г.), которые проводили в основном в Норвегии и прибрежных акваториях. Доля германских военных в них составила 16%, а на суше бундесвер исполнял функции «рамочного государства» при комплектовании VJTF – основы контрударной группы³⁷. На практике Германия отработала комбинированную передислокацию крупной разнородной группировки войск в северном направлении – в субарктическую зону. Как и другие учения (Anakonda 16, Sea Breeze 21, Cold Response 22), маневры Trident Juncture 18 были нацелены на отработку действий в рамках A2/AD. На практике они представляли собой маневры по окружению и расчленению группировок войск оппонента, под которым безусловно подразумевалась РФ. Однако ФРГ в принципе не участвовала в Sea Breeze 21 (июнь-июль 2021 г., Черное море и прибрежные районы Украины). Ее вклад в Cold Response 2022 (март-апрель 2022 г., Норвегия и прилегающие акватории) оказался незначительным – около 3% от общего объема задействованных военнослужащих³⁸. Почему Trident Juncture 18 стали исключением из ряда маневров? ФРГ демонстрировала интерес к стратегическому проникновению в Арктику, геополитически и геоэкономически делая основную ставку на Норвегию. Притом учения Trident Juncture 18 проводились в то время, когда первые, казавшиеся Берлину наиболее опасными, этапы развития новой конфронтации с РФ уже прошли. В случае с Cold Response 2022 ФРГ вновь проявила «стратегическую сдержанность» на фоне развития СВО РФ.

Факторами, которые объективно приближали Евро-Атлантическое сообщество к прямому военному конфликту с РФ, выступали не только масштабные поставки ВиВТ Киеву, но и участие в деятельности «иностранный легион» ВФУ граждан из стран-участниц НАТО, особенно отставных и действующих военных. Их активности не препятствовали правительства ряда государств-членов Альянса. Однако власти ФРГ заняли иную позицию, будучи неготовыми негласно одобрить отправку сколько-нибудь значительного контингента офицеров и солдат бундесвера в украинские формирования. О. Шольц неоднократно подчеркивал недопустимость использования регулярных частей ВС любой страны-участницы НАТО в зоне СВО³⁹. Данная позиция повлияла на численность германских граждан в составе ВФУ. К середине марта 2022 г. их насчитывалось порядка 1 тыс. из общего количества в 20 тыс. «легионеров»⁴⁰, т. е. 5%. Летом-осенью 2022 г. численность наемников из ФРГ существенно сократилась (до нескольких сотен и даже десятков комбатантов), что объяснялось боевыми потерями и – частично – возвращением на родину. К декабрю 2022 г. Германия не входила в топ-10 государств, выходцы из которых были наиболее представлены в «иностранный легион» ВФУ⁴¹. Среди прочего, сыграло свою роль то, что официальный Берлин понимал опасность возвращения на родину ряда категорий иностранных комбатантов – прежде всего, идейных неонацистов и радикалов, в том

³⁷ Trident Juncture 2018. NATO. 29.10.2018. (<https://www.nato.int/cps/en/natohq/157833.htm>).

³⁸ Рассчитано на основе: Exercise Cold Response 2022 – NATO and partner forces face the freeze in Norway. NATO. 7.03.2022. (https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_192351.htm).

³⁹ См., например: “Es darf keinen Krieg zwischen Russland und der NATO geben”. Bundeskanzleramt. 26.01.2022. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/-es-darf-keinen-krieg-zwischen-russland-und-der-nato-geben-2160706>).

⁴⁰ Was über deutsche Kämpfer in der Ukraine bekannt ist. rbb24. 11.03.2022. (<https://www.rbb24.de/politik/thema/Ukraine/beitraege/deutsche-freiwillige-kaempfer-ukraine-beweggruende.html>).

⁴¹ Председатель СК России провел оперативное совещание в Геническе Херсонской области. Следственный комитет России. 24.11.2022. (<http://sledcom.ru/press/events/item/1743429/>).

числе тех, которые ранее воевали в составе отрядов «Исламского государства»⁴². Именно они преобладали среди «добровольцев» из ФРГ⁴³, представляя для нее более чем реальную угрозу в случае возвращения на родину – особенно с оружием. Наиболее тревожным был сценарий теневого «срачивания» германских неонацистов, свободно действующих на территориях официального Киева, с крайне правыми в личном составе силовых структур ФРГ. Активность правых радикалов, особенно в военной области [Белинский 2021, 251–253], проиллюстрировала неполноту денацификации Западной Германии, которую проводили, прививая ценности «либеральной демократии».

В зонах нестабильности в Азии и Африке вынужденное резкое сокращение военного присутствия в начале 2020-х гг. не сопровождалось даже частными эпизодами силового использования бундесвера. Причем Германия активно стремилась применять тактику антихода (сохранения своих стратегических позиций в условиях утраты таковых другими «западными державами») – особенно в Афганистане и Мали. Однако данная задача решалась в политико-дипломатической плоскости (попытки установить опосредованный контакт с «Талибаном» через Исламабад, а также поддерживать прямую связь с переходными властями в Бамако). Основу контингента оставляли в регионе до последней возможности. Так, правительство ФРГ отказывалось эвакуировать личный состав из состава Resolute Support [Glatz, Kaim 2020, 2–4] вплоть до окончательного решения администрации Дж. Байдена по Афганистану (апрель 2021 г.). Германские военные инструкторы из миссии EUTM Mali оставались в стране даже в условиях временного прекращения ее деятельности (апрель 2022 г.). Также ФРГ стремилась сохранить свой контингент в составе MINUSMA (особенно весной-осенью 2022 г.)⁴⁴. Данная линия не исключала участия германских военных в боевых столкновениях, однако оно было сугубо точечным, что можно было трактовать как право на самооборону.

На первый взгляд, обоснованием выбора несилевых форм использования бундесвера служит тезис о традиционной неготовности ФРГ проводить военно-силовые операции вне многосторонних усилий государств-партнеров по Евро-Атлантическому сообществу. Однако подобные миссии осуществлялись, но без участия Германии. Так, в феврале 2020 г. по инициативе Франции началась многоаспектная операция под эгидой ЕС Takuba с силовой составляющей, целью которой была борьба с радикальными НВФ в Мали и G5 Sahel в целом [Сидоров 2022]. Для самого ЕС подобная миссия стала прецедентной, на практике выражая «стратегическую автономию» объединения. В Takuba участвовали внешние для ЕС игроки – Великобритания (только что завершившая процедуру выхода из состава объединения) и Канада, но отсутствовала Германия⁴⁵. Последняя последовательно продолжала избегать боевого использования ВВС в борьбе II-й западной антитеррористической коалиции с «Исламским государством» и дружественными ему силами в Ираке. Данные примеры иллюстрируют, что Берлин сохранял приверженность «стратегической сдержанности» при использовании бундесвера в северной части африканского континента и на Ближнем Востоке. Чем объяснялось данное поведение? ФРГ всячески старалась закрепить свой образ взвешенного глобального миротворца, особенно в пред-

⁴² Запрещенная в РФ организация.

⁴³ См.: Was über deutsche Kämpfer in der Ukraine bekannt ist. rbb24. 11.03.2022. (<https://www.rbb24.de/politik/thema/Ukraine/beitraege/deutsche-freiwillige-kaempfer-ukraine-beweggruende.html>).

⁴⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2022). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761, 11.05. S. 5–10.

⁴⁵ Ibid.

ставлении африканских и азиатских стран. Берлин был готов пожертвовать сугубо тактическими результатами, которые часто были отрицательными. Так, ни группировка ВВС в Ираке, ни миссия Takuba не смогли выполнить поставленные перед ними задачи в полной мере. Отказавшись от участия в операции ЕС, ФРГ сохранила свое присутствие в Мали в 2021–2022 гг. (в основном под эгидой ООН) – в отличие от Франции или Великобритании. Помимо прочего, так официальный Берлин смог умело дистанцироваться от бывшей метрополии (Парижа) в восприятии Бамако. Отказ от боевого использования бундесвера в Ираке (с фокусом на подготовку кадров сил безопасности официального Багдада и пешмерга) усилил положительный имиджевый эффект от невовлеченности ФРГ в военную кампанию 2003 г.

На Дальнем Востоке в начале 2020-х гг. Германия стремилась отложить полноценное военное подключение к «сдерживанию» КНР, которое развивали США и их партнеры в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). В данном контексте примечательна столь редкая в практике ФРГ национальная эгида военно-дипломатической миссии фрегата «Бавария» (август 2021 г. – февраль 2022 г.) [Арзаманова 2022]. Официальный Берлин рассматривал ее как первый шаг на пути к ротационному присутствию своих ВМС в ИТР с опорой на порты дружественных стран (в частности, Австралии и Японии)⁴⁶. С 2021 г. германская сторона декларативно поддерживала ужесточение восприятия КНР Евро-Атлантическим сообществом, особенно по линии НАТО. «Китайский фактор» стали обозначать как угрозу в коммюнике по итогам ключевых саммитов, а в июне 2022 г. КНР зафиксировали в этом статусе в новой стратегической концепции Альянса [Major, Swistek 2022, 2–3]. Вместе с тем, официальный Берлин пока не проявлял энтузиазма в вопросе практического использования эгиды блока для противодействия Пекину.

Среди причин такой стратегии – фактор исторической ответственности Германии, однако не следует преувеличивать его значимость. Одним из ближайших партнеров Берлина в ИТР неизменно выступает Япония, которая в годы Второй мировой войны нанесла чудовищный по масштабу и жестокости урон китайскому народу. В реалиях XXI в. Германия и Япония вновь проявили взаимную заинтересованность. Стороны признают успехи друг друга в деле денацификации/демилитаризации посредством демократизации по западным стандартам и взаимной поддержке усилий по увеличению стратегического присутствия в мире. Их партнерство проявлялось в рамках формата G4, который нацелен на реформу Совета Безопасности ООН. Взвешенность Берлина в вопросе «сдерживания» Китая имела во многом торгово-хозяйственную мотивацию, что отражает содержание двусторонних межправительственных консультаций (ФРГ не пошла на «заморозку» данного формата), а также визит О. Шольца в Пекин 4 ноября 2022 г. Не столь очевидны, но важны и соображения военно-стратегического характера: в начале 2020-х гг. Германия не была готова полноценно подключиться к еще одной конфронтации Запада и не-Запада. Подобный шаг не только увеличил бы ориентированность ФРГ на США, но уменьшил бы ее и без того сократившиеся возможности обеспечивать военное присутствие на глобальном уровне. Развертывание военно-морской группировки НАТО на Дальнем Востоке потребует использования и резервирования нескольких фрегатов Германии.

⁴⁶ Indo-Pacific Deployment 2021. BMVg. (<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021>).

Эволюция подхода к поставкам ВиВТ германского производства

До начала 2020-х гг. правительство ФРГ последовательно отказывалось от поставок летальных ВиВТ в зоны вооруженных конфликтов. Логичное исключение оно делало только в тех случаях, когда власти таких стран в согласии с умеренной оппозицией и международным сообществом сосредотачивались исключительно на противодействии радикальным НВФ.

Практикой (особенно с середины 2010-х гг.) стало резкое сокращение объемов экспорта ВиВТ с запретом на продажу ряда ключевых категорий по запросу партнеров, в т. ч. отдельных стран-участниц НАТО. Речь, во-первых, идет о Турции: Берлин сократил военную торговлю с ней (особенно в плане комплектующих для бронетехники) из-за недовольства сразу по нескольким вопросам. Так, протесты со стороны ФРГ вызвали полноценные операции турецких войск на территорию Сирии и Ирака. Также Германия пыталась подтолкнуть Анкару к выполнению решений Берлинской конференции по Ливии (2020 г.) и не допустить применения силы в отношении Греции – другой страны-участницы НАТО. Во-вторых, Берлин ограничил торговлю с Саудовской Аравии в 2019 г. Поводом и одной из причин такого шага стало убийство журналиста Дж. Хашогги, однако более важной детерминантой виделось иное: она побуждала партнера прекратить многостороннюю военную активность ССАГПЗ в Йемене и тем не допустить риск эскалации напряженности в отношениях с Ираном.

Здесь следует выделить проявившуюся с середины 2010-х гг. особенность экспорта ВиВТ ФРГ в западные державы, с которыми Запад находится (РФ, КНР) или приближается к состоянию конфронтации (ИРИ). В первых случаях показатели продаж ВиВТ были практически точечными, в последнем – нулевыми⁴⁷.

Однако ФРГ использовала фактор СВО как информационный повод для отхода от приверженности «стратегической сдержанности» и на данном треке. До середины апреля 2022 г. официальный Берлин ограничивался предоставлением украинским властям нелетальной продукции (экипировка, медицинские средства и т. п.), однако затем правительство О. Шольца направило Бундестагу запрос о поставке ВиВТ на Украину. 28 апреля 2022 г. большинство депутатов удовлетворили данную просьбу. В него вошли представители этаблированных, т. е. интегрированных в политическую систему «либеральной демократии», партий – как правительственных (СДПГ, «Зеленые», СвДП), так и оппозиционного блока ХДС/ХСС. «Против» выступили отдельные их депутаты и фракции «фланговых» партий – «Левой» и «Альтернативы для Германии»⁴⁸. Стал очевиден широкий консенсус элит по крайне важному элементу «игр мускулами» в контексте державных амбиций ФРГ. Как и на других треках, Берлин проводил соответствующий курс плавно по нарастающей – постепенно переходя от одиночных шагов небольшого масштаба к мерам качественно иного характера. Поставки ВиВТ для Украины стали значительными с конца лета 2022 г. Их денежное выражение за весь календарный год

⁴⁷ См. ежегодные отчеты по экспорту вооружений: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre... (Rüstungsexportbericht...). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie.

⁴⁸ Antrag der Fraktionen SPD, CDU/CSU, Bündnis 90/Die Grünen und FDP: Frieden und Freiheit in Europa verteidigen – Umfassende Unterstützung für die Ukraine. Drucksache 20/1550 (2022) Plenarprotokoll 20/31. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Stenografischer Bericht 31. Sitzung. Berlin, Donnerstag, 28. April. S. 2719A-2736D, 2742 D-2745 D.

составило более 2,0 млрд евро, а планируемое на 2023 г. – порядка 2,2 млрд евро⁴⁹. На конец 2022 г. речь прежде всего шла о предоставлении, во-первых, штурмовых гаубиц Panzerhaubitze 2000 (14 единиц) и РСЗО MARS II (5 единиц). Каждая из них способна стать «ядром» соответственно небольшой механизированной или артиллерийской группы ВФУ. Во-вторых, поставлялась специальная саперная техника, в частности мостоукладчики, которые особенно ценны для ВФУ при форсировании водных преград. В-третьих, Украина получает средства для «ослепления» дронов, разведывательные БПЛА и такие же ударные аппараты для действий на водной поверхности. Наконец, ФРГ постепенно усиливала оснащение наземной (1 система типа Iris-T) и особенно войсковой ПВО (30 зенитных самоходных установок Gepard) Украины⁵⁰. Принципиально значимым моментом в отдалении ФРГ от концепции «стратегической сдержанности» стало решение от 25 января 2023 г. о поставке танков Leopard 2A6 (первая партия – 14 единиц)⁵¹. Также Берлин разрешил европейским странам-участницам НАТО отправлять Украине такие танки, приобретенные ранее у Германии⁵².

* * *

К началу 2020-х гг. в ФРГ стартовала новая ремилитаризация. Как и в случае с Западной Германией, информационно ее связывают с позиционированием ФРГ как «либеральной демократии» и демонизацией «российской угрозы» (ранее советской). Именно по тем трекам, где последнюю наиболее активно используют как повод, Германия особенно значительно отходит от обусловленных ее исторической ответственностью стратегических ограничений. На постепенный отказ от данного принципа указывают: наращивание военной мощи в целом, резкая интенсификация использования бундесвера вблизи границ и в глубине зоны ответственности НАТО, получение опосредованного доступа к ОМУ. Дрейф Германии от концепции «стратегической сдержанности» с различных точек зрения (военной, политико-идеологической – особенно при учете фактора исторической памяти) наносит наибольший ущерб интересам РФ.

Ремилитаризация ФРГ призвана убрать или как минимум сократить разрыв между стремлением Берлина стать полновесным глобальным игроком и необходимой для этого ресурсной базой. Наиболее полно данная стратегия проводится внутри Евро-Атлантического сообщества (пример – роль в комплектовании различных многосторонних группировок НАТО). Вне данного объединения – и особенно в отдалении от его – напротив, наблюдается деградация позиций ФРГ. Так, Германия сохраняет приверженность «стратегической сдержанности» при использовании бундесвера в зонах конфликтов в Азии и Африке, осторожность в деле практического подключения к «сдерживанию» КНР (и ИРИ). Притом избранное обрамление ремилитаризации – ужесточение отношений с незападными игроками, особенно РФ – с высокой долей вероятности не позволит Германии достичь желанной цели. Данную гипотезу подтверждает исторический опыт.

⁴⁹ Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514>).

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsidentin Jakobsdóttir am 25. Januar 2023 in Berlin. Bundesregierung. 25.01.2023. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesidentin-jakobsdottir-am-25-januar-2023-2160572>).

⁵² Ibid.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Т.А. (2017) «Запад» и «не Запад» в пространстве теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. № 2. С. 217–232.

Арзаманова Т.В. (2022) Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 258–284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11.

Белинский А.В. (2021) Свастика на шевроне: правый экстремизм в правоохранительных органах и бундесвере ФРГ // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 247–282. DOI: 10.31249/ape/2021.04.10.

Берман Р. (2017) Трамп или Меркель: кто во главе Запада? // Россия в глобальной политике. № 5. С. 98–108.

Васильев В.С. (2022) Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 234–257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10.

Сидоров А.С. (2022) Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 79–108. DOI: 10.31249/ape/2022.04.04.

Синдеев А.А. (2015) Реформа бундесвера: три этапа // Мировая экономика и международные отношения. № 3. С. 86–94.

Bindenagel J. D. (2020) Germany from Peace to Power? Can Germany Lead in Europe without Dominating? Bonn: Bonn University Press. 224 p.

Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018) Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel. Berlin: SWP-Studie. 49 S.

Glatz R., Kaim M. (2020) Die Folgen des Abkommens der USA mit den Taliban vom Februar 2020 // SWP-Aktuell. No. 18. 4 p. DOI: 10.18449/2020A18.

Glatz R., Zapfe M. (2017) Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO // SWP-Aktuell. No. 62. 8 p.

Hacke C. (1993) Weltmacht wider Willen. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt-am-Main: Ullstein. 682 p.

Major C., Swistek G. (2022) Die NATO nach dem Gipfel von Madrid // SWP-Aktuell. No. 49. 4 p. DOI: 10.18449/2022A49.

Rink M. (2015) Die Bundeswehr 1950/55–1989. München: De Gruyter Oldenbourg. 224 p.

Tull D. M. (2019) UN Peacekeeping in Mali // SWP-Comment. No. 23. 4 p. DOI: 10.18449/2019C2.

Vogel D. (2020) Bundeswehr und Weltraum // SWP-Aktuell. No. 79. 4 p. DOI: 10.18449/2020A79.

Varwick J. (2007) Bundeswehr // In: Handbuch zur deutschen Außenpolitik. Ed(s): S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH. Pp. 246–258.

REFERENCES

Alekseeva T.A. (2017) “Zapad” i “ne Zapad” v prostranstve teorii mezhdunarodnyh otnoshenij [“The West” and “Non-West” in the Space of International Relations Theory]. *Vestnik RUDN. International Relations*. no. 2, pp. 217–232.

Arzamanova T.V. (2022) Otdel’nye aspekty strategicheskogo planirovaniya Germanii v Indo-Tihookeanskom regione v usloviyah vozvrashheniya sopernichestva velikih derzhav [Some Aspects of German Strategic Planning in Indo-Pacific Region Facing the Return of Great Powers Rivalry]. *Aktual’nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 258–284.

Belinsky A.V. (2021) Svastika na shevrone: pravyyj ekstremizm v pravooohranitel'nyh organah i bundesvere FRG [Swastika on a Chevron: Right-Wing Extremism in Law-Enforcement Authorities and in the Bundeswehr of the FRG]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 247–282.

Berman R. (2017) Tramp ili Merkel': kto vo glave Zapada? [Trump or Merkel: Who is the Head of the West?]. *Rossiya v global'noj politike*. no. 5, pp. 98–108.

Bindenagel J. D. (2020) *Germany from Peace to Power? Can Germany Lead in Europe without Dominating?* Bonn: Bonn University Press. 224 p.

Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018) *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel*. Berlin: SWP-Studie. 49 p.

Glatz R., Kaim M. (2020) Die Folgen des Abkommens der USA mit den Taliban vom Februar 2020. *SWP-Aktuell*. no. 18, 4 p.

Glatz R., Zapfe M. (2017) Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO. *SWP-Aktuell*. no. 62, 8 p.

Hacke C. (1993) *Weltmacht wider Willen. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland*. Frankfurt-am-Main: Ullstein. 682 p.

Major C., Swistek G. (2022) Die NATO nach dem Gipfel von Madrid. *SWP-Aktuell*. no. 49, 4 p.

Rink M. (2015) *Die Bundeswehr 1950/55–1989*. München: De Gruyter Oldenbourg. 224 p.

Sidorov A.S. (2022) Voenno-politicheskiy balans vozmognosti Frantsii v Sahele: jetapy I mekhanizmy v`ychoda is TVD [The Military-Political Balance of France's Capabilities in the Sahel: Stages and Mechanisms of Exit from the Theater of Operations]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 258–284.

Sindeev A.A. (2015) Reforma bundesvera: tri jetapa [Bundeswehr Reform: Three Stages]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. no. 3, pp. 86–94.

Tull D.M. (2019) UN Peacekeeping in Mali. *SWP-Comment*. no. 23, 4 p.

Varwick J. (2007) Bundeswehr. In: *Handbuch zur deutschen Außenpolitik*. Ed(s): S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH. Pp. 246–258.

Vasil'ev V.S. (2022) Anglosaksonskie skrizhali narastajushhego global'nogo civilizatsionnogo protivostojaniya [Anglo-Saxon Guidestones of Growing Global Confrontation between Civilizations]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 234–257.

Vogel D. (2020) Bundeswehr und Weltraum. *SWP-Aktuell*. no. 79, 4 p.

Информация об авторе

Трунов Филипп Олегович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ФГБУН Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН. Адрес: 117418, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект 51/21. E-mail: ltrunov@mail.ru

About the author

Philipp O. Trunov, Candidate of Political Science, Leading Research Fellow, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). Address: 51/21, Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117418. E-mail: ltrunov@mail.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 24.12.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 30.01.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 15.02.2023